

Ноэми Перейра-Арес

(Noemí Pereira-Ares) — преподаватель Университета Сантьяго-де-Компостела (Испания). Автор статей в *Journal of Commonwealth Literature* и *Journal of Postcolonial Writing* и монографии «Мода, костюм и идентичность в нарративах южноазиатской diáspora: от XVIII века до Моники Али» (*Fashion, Dress, and Identity in the Narratives of the South Asian Diaspora: From the Eighteenth Century to Monica Ali*, Palgrave, 2018).
noemi.pereira@usc.es

«Пространство одежды» и вынужденная миграция: «Значение платья» (2020) Эммы Пи

Аннотация

Процесс облачения в одежду — это человеческая деятельность *par excellence*, повседневная материальная практика, принятая во всех культурах. Поэтому одежда мигрирует вместе с людьми. Она защищает их, служит связующим звеном между «я» и «другим», а также выполняет мемориальные функции, соединяя прошлое, настоящее и будущее. Рассказывая о современной вынужденной миграции, авторы, размышляющие, как одежда влияет на тело и, в свою очередь, подвергается его влиянию, создают впечатляющие образы (не)одетого тела, привлекающие внимание к проблеме деперсонализации беженцев и к неустойчивости их положения, а также

Статья впервые опубликована в журнале *Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture* (опубл. онлайн 13 сентября 2024)

демонстрирующие, как предметы материальной культуры помогают им сохранить ощущение самодостаточности. Взаимодействуя с широким спектром медийных и художественных форм на интертекстуальном и экфрастическом уровнях, Эмма Ли в поэтическом сборнике «Значение платья» переосмыслияет нарративы, пропитывающие текстиль/текст, когда он пересекает границы (Lee 2020a). Анализируя ее стихотворения, посвященные вынужденной миграции, я постараюсь показать, как Ли использует образы одежды для работы с темами утраты идентичности, уязвимости и жизнестойкости, делая при этом акцент на гуманитарных аспектах, которые часто игнорируются в медийных репортажах, освещдающих миграцию. Предпосылку к анализу составляет размышление о взаимодействии между такими феноменами, как облачение в одежду, мобильность и потеря имущества. Для осмысления связей между людьми, одеждой и окружающей средой я использую концепт «пространство одежды».

Ключевые слова: «пространство одежды»; беженцы; литература (о) вынужденной миграции; Эмма Ли; «значение платья».

Введение

Вынужденная миграция, вызванная религиозной нетерпимостью, этнической междуусобицей, политическими репрессиями, военными конфликтами или экологическими факторами, сопровождает человечество на протяжении всей его истории; она существовала и в те времена, когда люди, столкнувшись с необходимостью покинуть свои дома, еще не назывались «беженцами»¹. На этом фоне сегодняшнее представление о вынужденной миграции (особенно затрагивающей страны Глобального Севера) как о беспрецедентном кризисе нуждается в некоторой коррекции. И вместе с тем нельзя не согласиться, что в новом тысячелетии число вынужденных мигрантов не только не уменьшается, но даже, напротив, растет. Напряженность на Ближнем Востоке, перманентная политическая нестабильность Африки и Латинской Америки, гуманитарные кризисы, вызванные экологическими катастрофами, или, если говорить о совсем недавних событиях, российско-украинский конфликт в Европе привели к тому, что миллионы людей покинули свои дома. По последним данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в 2022 году число вынужденных мигрантов в мире составило 108,4 миллиона человек; из них 35,3 миллиона квалифицируются как «беженцы».

Парадоксально, но, к сожалению, не удивительно, что увеличение числа искателей убежища приводит к ужесточению мер полицейского контроля и укреплению национальных границ; в качестве примера сошлюсь на политику администрации Дональда Трампа, выход Великобритании из Европейского союза по результатам референдума (Brexit) и образ «Крепости „Европа“». Все прекрасно осведомлены о том, какие трагедии разворачиваются у заборов с колючей проволокой на границах разных стран или в так называемом «Черном Средиземноморье», современной вариации «Черной Атлантики» (Gilroy 1993); и все же гибель людей, пытающихся пересечь границы или, в силу обстоятельств, приобретающих «статус живых мертвцев» (Mbembe 2003: 40), часто воспринимается с безразличием. Говоря словами Джудит Батлер, этих людей «невозможно оплакать»: они «не ценные настолько, что если они подвергаются опасности, травмируются или исчезают... их утрата не считается поводом для скорби» (Butler 2014: 35). Такой подход неизбежно чреват дегуманизацией; кроме того, он обнажает тесную связь между «ограничением/ограничиванием» и «отчуждением» (van Houtum & van Naerssen 2002). В отличие от обычных переселенцев, свободно пересекающих границы, беженцы оказываются вне «зоны „бытия“» (Fanon 1967: 82). «Образ пограничного пространства» (De Genova 2013), транслируемый ведущими медиа, лишь способствует дегуманизации: беженцы лишаются индивидуальности и сплавляются в недифференцированную массу; у беженца «нет лица, нет статуса, нет защиты и нет собственной истории», и в коллективном воображении он превращается в «ужасающую фикцию» (Kureishi 2016: 27–28).

В этих обстоятельствах «литература (о) вынужденной миграции» (*refugee literature*, термин, которым обозначают произведения, написанные беженцами и/или о беженцах и часто четко не встраивающиеся в корпус определенной национальной литературы (Gallien 2018; Woolley 2014)) реагирует на наиболее распространенные визуальные и текстовые стереотипы. Выступая против устоявшихся способов изображения вынужденной миграции, она дарует беженцам право на высказывание, невзирая на всю его проблематичность², и в итоге способствует репрезентации менее эффектных и зрелищных, но зато более субъективных и индивидуальных составляющих беженства. С помощью впечатляющих образов (не)одетого тела писатели привлекают внимание к проблеме деперсонализации беженцев и к неустойчивости их положения, а также показывают, как предметы материальной культуры помогают им сохранить ощущение самодостаточности в самых чудовищных обстоятельствах. Вот несколько

примеров. В «Истории рыбака» Иэна Сэнсома из сборника «Истории беженцев III» одежда, которую одолжили герою, символизирует материальное отчуждение и утрату идентичности: «Я ношу одежду с чужого плеча. У меня есть брюки и куртка, пара ботинок. У меня нет своей собственной одежды. Я стою у воды в Норвегии, на холоде, в чужой одежде» (Sansom 2019: 107). В «Историях Шатилы» Мейке Цирфогель и Сухира Хелала рассказывают о белом платье — подарке, за которым маячит брачная сделка в уплату долга, взятого на пограничной территории лагеря беженцев Шатила в Бейруте (Zier vogel & Helal 2018). Более позитивной выглядит «История вышивальщица» Патрика Гейла, также включенная в сборник «Истории беженцев III»: здесь вышивка помогает протагонисту, иранцу, сохранить идентичность и самоуважение в условиях миграции. Для безымянного беженца из истории Гейла каждый новый вышитый узор становится шагом на пути к становлению, возможностью не просто «придумывать истории», а «делать истории лучше» (Gale 2019: 81). Эта связь между шитьем и плетением историй просматривается и в сборнике стихов Эммы Ли «Значение платья» (Lee 2020a), где одежда служит и сквозным мотивом, и стимулом, подталкивающим к исследованию сюжетов, повествующих о потере идентичности, уязвимости и жизнестойкости. Анализируя ее стихотворения, посвященные вынужденной миграции, я постараюсь показать, как Ли, используя мотивы одежды, акцентирует гуманитарную составляющую миграции, которая часто игнорируется в медийных репортажах, и как при пересечении границ одежда меняется функционально, символически и эмоционально. Но прежде мы поговорим о связи между такими феноменами, как облакение в одежду, мобильность и потеря имущества. В качестве инструмента анализа я использую концепт «пространства одежды», который может быть весьма полезен для теоретического осмысливания процессов взаимодействия индивидов, моды и окружающей их среды во всем ее разнообразии. **Продолжение и иллюстрации см. в печатной версии.**